

ВОСПИТАТЕЛЬ-МУЖЧИНА ДЕТСКОГО САДА: КЕЙС-СТАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСОВ 1980-х ГОДОВ В СССР

*Елена Михайловна Колесникова*¹ (kolesnikova@mail.ru),
*Ирина Александровна Куденко*² (irkudenko@googlemail.com)

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

² Куденко консалтинг — глобальные услуги по оценке и исследованиям,
Ганновер, Германия

Цитирование: Колесникова Е.М., Куденко И.А. (2024) Воспитатель-мужчина детского сада: кейс-стади общественного и профессионального дискурсов 1980-х годов в СССР. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 216–249.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.8>. EDN: IGCGWT

Аннотация. Социальное положение профессии воспитателя детского сада часто проблематизируется в общественном, политическом и научном дискурсе практически по всему миру и в России, но опыт российских воспитателей-мужчин остается без должного внимания. Мы обращаемся к анализу дискурса вокруг одного из первых воспитателей-мужчин, который оказался в центре публичной дискуссии 1980-х годов относительно статуса профессии воспитателя детского сада и места мужчины в ней, а также внутри корпоративного дискурса о «женской» работе и профессионализации. Эмпирическую базу исследования составили тексты статьи об одном из первых воспитателей-мужчин в газете «Известия» в 1986 г. и писем читателей, написанных под впечатлением от статьи, а также материалы интервью с основным действующим лицом. Несмотря на то что общественность и коллеги, по существу, не сомневались в способности мужчины выполнять обязанности воспитателя в детском саду, они по-разному оценивали уникальность мужчины как педагога и необходимость его для детей, профессионального сообщества и общества в целом. Важно, что представления о воспитателях-мужчинах не существуют изолированно, а строятся на мнении о профессии в целом и ее статусных характеристиках в частности.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, воспитатель дошкольного учреждения, воспитатель-мужчина, российское дошкольное образование, гендерные стереотипы, воспитание и обучение детей младшего возраста (ЕСЕС).

Социальное положение профессии воспитателя детского сада обсуждается в общественном, политическом, научном дискурсах в России, так как, с одной стороны, дошкольному этапу развития новых поколений придается все большее значение, а с другой — профессионалам этой сферы по-прежнему не удается достичь высокого социального статуса. При этом такой аспект, как гендерный дисбаланс кадров, практически не анализируется, а профессия традиционно считается «женской». Опыт российских и советских воспитателей-мужчин остается без внимания, в то время как в социологической литературе других стран аналогичные исследования представлены достаточно широко. Сложившаяся ограниченность не позволяют сопоставить процессы профессионализации в дошкольном образовании в российском контексте с мировыми трендами в полной мере и выявить их особенности. Целью статьи является рассмотрение дискурса о воспитателях-мужчинах как части дискурса о статусе профессии в определенном историческом контексте, который сочетал в себе профессионализацию воспитателей детского сада и сферы дошкольного образования и хотя нечастые, но уже не единичные попытки мужчин выстраивать профессиональную биографию воспитателя. В частности, нас интересует, как в дискурсе о воспитателях-мужчинах 1980-х годов находит отражение процесс профессионализации советского дошкольного образования и воспитателей детских садов. Дополнительно проводится сопоставление с актуальным дискурсом о воспитателях-мужчинах.

Теоретико-методологические основания

Теоретической рамкой исследования и статьи выступает неовеберовский подход, в основе которого лежат идеи М. Вебера и понимание профессиональных групп как статусных, как такой формы занятий, которой свойственна связь между высоким уровнем образования и высокими социальными позициями и/или вознаграждениями, а успех зиждется на том, что профессии удастся убедить государство и общество в том, что профессионализация желательна (Сакс 2020). Соответственно рассматривается система аргументов, которая сопровождает профессионализацию воспитателей.

Анализ процессов «профессионализации» (professionalization) как коллективной социальной мобильности профессиональных групп от статуса «занятий» (occupations) к статусу «профессии» (professions) предполагает продвижение к социально-экономическому слою, часто характеризуемому как образованный средний класс (educated middle class); учет возможности депрофессионализации, т.е. обратного движения; а также того факта, что контекст (де)профессионализации имеет решающее зна-

чение, так как достижение/утрата статуса «профессии» стимулировано разными факторами для разных групп профессий (Abbott 1993; Brante 1988; Brante 2013; Etzioni 1969). Профессионализация — это длительный процесс, не однонаправленный и не выполняющийся по шаблону. Для профессионализации важно усложнение научной базы, внедрение систематического образования и профессиональной подготовки, требований к формальным удостоверениям для ведения практики и стремления к автономии по отношению к государству. Кроме того, необходимо развитие специализации, связанной с дальнейшим образованием, и конкретных путей карьерного роста, основанных на возрастающих квалификационных требованиях. Также важно формирование идеологии, подчеркивающей, что профессия действительно является профессией. Качественные трансформации социального контекста меняют требования к профессиональным практикам и практикующим специалистам как у общества в целом, так и среди профессионалов. Отражением таких перемен становятся изменения в размере и структуре профессиональных групп в целом и его гендерном составе в частности (Brante 2013).

Профессия воспитателя детского сада и сама сфера дошкольного образования относятся к «новым» профессиям, вступившим в активную фазу профессионализации в основном в XX в., и при анализе необходимо учитывать, что контекстом их продвижения к статусу «профессии» было распространение социальных государственных услуг и история развития как «женского» труда, который символически и статистически был прерогативой женщин. Соответственно анализ актуальной литературы выстроен с точки зрения того, в каком контексте в исследованиях о дошкольном образовании появляются воспитатели-мужчины как объект изучения и как в литературе о воспитателях-мужчинах находит отражение процесс профессионализации дошкольного образования и воспитателей.

Обзор литературы

Дискуссию о статусе воспитателя в ЕСЕС¹, особенно в тех странах, где было типично доминирование нерегулируемого и низкооплачиваемого частного сектора, отнесение ухода и воспитания детей к вопросам частной семейной жизни и решение их за счет гендерного разделения труда и час-

¹ ЕСЕС (Early Childhood Education and Care) — официальный термин, используемый в ЕС и Великобритании, который описывает формальное и неформальное обучение детей до возраста начала обязательного начального образования (который колеблется в разных странах от 4 до 7 лет). См.: [<https://education.ec.europa.eu/education-levels/early-childhood-education-and-care/about-early-childhood-education-and-care>].

тичной занятости матери, можно описать вопросом: воспитатель — это все еще занятие (occupation) или это уже профессия (profession)? Исходно такая работа чаще приравнивалась к замещению роли матери, пока она находится на оплачиваемой работе; низкий статус занятия (occupation) был естественным продолжением понимания ЕСЕС как «неполноценной работы», для выполнения которой нет необходимости проходить специальную подготовку, завершающуюся сертификацией и выдачей диплома о квалификации, а сама занятость чаще трактовалась как возможность для трудоустройства женщин из малообеспеченных групп населения (OECD 1998) (Cameron et al. 2002). Постепенно благодаря усилиям профессионального сообщества все большую популярность получала трактовка раннего образования как залога развития человеческого капитала в сочетании с профессионализацией ЕСЕС посредством утверждения высоких стандартов квалификации (степень бакалавра или магистра как допуск к практике), уникального набора знаний и отличительной профессиональной идентичности (Siraj-Blatchford et al. 2008; Cameron 2006), а также через улучшение качества рабочих мест и условий труда в секторе (OECD 1998; OECD 2006). Дискурс сместился от «занятия по присмотру и уходу» к «профессии в сфере образования», хотя источниками статуса профессии часто становились не классические способы повышения компетентности, а наставничество, обучение на рабочем месте, совместное профессиональное развитие (OECD 2019; OECD 2020).

Практически одновременно с распространением трактовки ЕСЕС как сферы образования, активизируется и внимание к кадровой политике с точки зрения опыта сотрудников-мужчин (Cameron 2006). Как результат, в зарубежной литературе значительное количество исследований посвящено анализу проблем, с которыми сталкиваются мужчины на этой работе. Обсуждается тема идентичности педагогов, особенно мужчин, как образцов подражания для детей во все усложняющемся обществе (Martino 2008). И если в теории сами участники образовательного процесса не могут четко определить, каким конкретно должен быть «мужчина в классе» и считают, что присвоение статуса «хороший педагог» не является результатом исключительно принадлежности к какому-то определенному полу (Sevier, Ashcraft 2009; Harris, Barnes 2009; Carrington et al. 2007), то фактически в профессии, связанной с заботой о детях, мужчины оказываются под пристальным вниманием в отношении близких контактов с детьми (Sargent 2000; Sargent 2013; Martin, Luth 2000; Hedlin et al. 2018); сталкиваются с предубеждением со стороны членов своей семьи и друзей (Erden et al. 2011) и гендерными стереотипами родителей воспитанников (Bonnett, Wade 2022; Wood, Brownhill 2018). Такой профессиональный

выбор часто трактуется как неортодоксальный как на индивидуальном, так и на более широком институциональном уровне (Bhana et al. 2022). При этом часто неэффективность административных мер привлечения мужчин в педагогические профессии связана с непризнанием комплекса вышеописанных проблем (Mills et al. 2004), а сама подготовка будущих педагогов и преподавание в университетах поддерживают представления о работе в ЕСЕС как о «женской работе» (Kreitz-Sandberg 2013).

Актуальный российский дискурс относительно статуса воспитателя дошкольного образования отмечает во многом сходные проблемы профессионализации и «женского труда». Так, статус профессии связывается с постоянным совершенствованием работы педагогов дошкольного образования, повышением их квалификации, работой над стандартами практики, хотя сами педагоги часто проблематизируют условия труда, такие аспекты как соотношение нагрузки и заработной платы, престижа и лояльности на разных этапах карьеры (Кашуркина, Лукишина 2019; Колесникова 2016; Колесникова, Митрохина 2017; Новик, Твардовская 2020). Таким образом, несмотря на различия в развитии самого института и группы, достижения педагогического сообщества и науки, а также социальной политики периода СССР, в России эта профессия также испытывает существенные трудности с возможностью пользоваться привилегиями и престижем, высоким уровнем вознаграждения за труд.

В то же время, активно обсуждая проблемы «женской» профессии, российские исследователи обходят вниманием воспитателей-мужчин, работающих с детьми в дошкольном образовании, поэтому приведем кратко основные результаты авторского обзорного анализа актуальной ситуации, подробно представленной в отдельной публикации (см.: Kolesnikova, Kudenko 2023).

Во-первых, официальная статистика подтверждает, что доля мужчин среди воспитателей в России всегда оставалась крайне низкой, и с 2007 г. она ни разу не превышала 0,5 %. Но мужчины постепенно стали чаще занимать различные педагогические позиции в дошкольном образовании, а Москва оказалась регионом с самым высоким процентом всех педагогов-мужчин в дошкольном образовании (7,1 % в 2021 г., в то время как в среднем по стране данный показатель составил 0,7 %).

Во-вторых, контент-анализ публикаций текстов проекта «Институт групповых пап» (г. Москва) показывает: чтобы быть принятыми, воспитатели-мужчины должны доказать, что они не только столь же квалифицированы и компетентны, как их коллеги-женщины, но и от их присутствия следует ожидать дополнительного результата, который достигается за счет нарративов спорта и ролевых образцов для подражания.

В-третьих, в мнении студентов Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета (2022 г.) нарративы «образец для подражания» и «мужественность» явно доминировали, но им составил конкуренцию нарратив, который преуменьшает важность гендера и подчеркивает ценность профессиональной квалификации и навыков. В описании работы воспитателя-мужчины в дошкольном образовании респонденты одновременно подчеркнули его инновационный характер и выразили обеспокоенность по поводу признания мужчин равными в профессии. Напротив, их взгляды на работу в целом без учета пола работника были более практичными, приземленными, и центральное место занимали вопросы оплаты труда.

В-четвертых, директор Института педагогики и психологии образования МГПУ А.И. Савенков обратил внимание на то, что на численность мужского персонала в секторе дошкольного и начального образования влияли более широкие институциональные и экономические реформы, например в последнее время произошел сдвиг в дискурсе политики дошкольного образования с «ухода и присмотра» на «образование» и разработка профильных образовательных программ с более широкими перспективами карьерного роста.

В целом анализ литературы позволяет сделать вывод, что научный дискурс о воспитателях-мужчинах появляется и развивается по мере профессионализации дошкольного образования и воспитателей, продвижения из статуса «занятия» в «профессию», из сферы «присмотра и ухода» в «образование». В отечественной литературе практически не уделяется внимания анализу дискурса среди общественности и внутри профессионального сообщества о воспитателях-мужчинах. Профессионализация сферы дошкольного образования и воспитателей детских садов не рассматривается с точки зрения опыта воспитателей-мужчин.

Исторический контекст

Мы обратились к анализу одного из первых этапов истории воспитателей-мужчин в России — 1980-м годам. Этот период кажется нам важным, так как он ознаменовался не только экономическими реформами и началом перестройки в СССР, но и изменениями в сфере дошкольного образования, которые должны были постепенно менять статус и уровень образования воспитателя.

К этому моменту профессиональная группа педагогов дошкольного образования была уже значительна, и воспитатель стал основной фигурой, осуществлявшей педагогическое сопровождение ребенка в детском саду. С точки зрения общедоступности для детей из всех слоев населения

в большой многонациональной стране советское дошкольное образование не имело себе равных в мире, и за период с 1940 по 1983 г. число дошкольных учреждений увеличилось от 46 до 135,5 тысяч (Женщины в СССР 1985: 25). По количеству занятых рабочих и служащих дошкольное воспитание уступало только дневным общеобразовательным школам (Народное образование и культура в СССР 1989: 20–21). В 1988 г. в 147,4 тыс. дошкольных учреждений трудилось 1625 тыс. педагогических работников, из которых 1334 тыс. были воспитатели (Народное образование и культура в СССР 1989: 29, 42). Но для профессии оставались типичны и некоторые важные проблемы. В народном образовании именно у воспитателей дошкольного образования сохранялись самый низкий уровень заработной платы (Народное образование и культура в СССР 1989: 27) и самая низкая доля специалистов с высшим образованием (15,1 % в 1988 г., для сравнения у учителей — 77,4 %, педагогических работников во внешкольных учреждениях — 53,3 %, профессионально технических учреждениях — 53,9 %) (Народное образование и культура в СССР 1989: 42, 137, 144, 151). А также профессия воспитателя была наиболее феминизированной в народном образовании¹.

На данный период приходится и попытка стимулирования профессионализации воспитателей и всего дошкольного образования с точки зрения содержания труда. Несмотря на прогрессивность для своего времени, государственная программа дошкольного воспитания, да и сам режим дня в детском саду в СССР были чрезмерно регламентированы [Смирнова 2005]. Критика такого положения вещей и позиция ведущих педагогов² нашли свое отражение в решениях государства³, согласно которым детский сад все больше рассматривался как часть непрерывного

¹ Так как в советский период статистический учет воспитателей в дошкольном образовании в гендерном разрезе не велся, то возможно привести только косвенное подтверждение данного утверждения. В частности, Борису Верзубу, который считается первым в СССР мужчиной-воспитателем детского сада, пришлось в 1977 г. обращаться в Министерство образования для сдачи экзаменов для работы с дошкольниками по причине уникальности данного явления и отказа профильных профессиональных институтов принять его без специального разрешения (Мужчина-воспитатель с трудом пробился в профессию в СССР).

² Манифест «Педагогика сотрудничества». Первая публикация — «Учительская газета» от 18.10.1986 года [<http://freeschool.education/wp-content/uploads/2020/04/1986-g.-Manifest-Pedagogika-sotrudnichestva.pdf>] (дата обращения: 24.09.2023).

³ Концепция дошкольного воспитания (одобрена решением коллегии Гособразования СССР 16.06.1989 N 7/1) [https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15714.htm] (дата обращения: 24.09.2023).

образования ребенка и связывался со школьным этапом, а за педагогами утверждалось право на творческую активность в профессии, свободный выбор содержания образования и методические исследования.

Одновременно происходят и определенные трансформации в трактовке гендерной проблематики. Для 1980-х годов в СССР распространенной становится дискуссия относительно избыточной нагрузки женщин в семье и обществе и недостаточном участии мужчин в воспитании детей (скрытая безотцовщина, пассивность быта отцов и т.д.) (Здравомыслова, Темкина 2007; Темкина, Роткирх 2002).

В целом в историческом контексте профессионализации воспитателей детского сада нужно отметить тенденции усложнения позднесоветского общества, появление новых акцентов в трактовке гендерных ролей, реформирование сферы дошкольного образования. Все эти факторы значимы при анализе дискурса о воспитателях-мужчинах как отражении процессов профессионализации позднесоветского дошкольного образования и профессии воспитателя.

Эмпирическая база и методы исследования

Мы сосредоточились не на институциональных аспектах профессионализации, а на сфере представлений о профессии. Один из первых воспитателей-мужчин оказался в центре большой публичной дискуссии 1980-х годов относительно статуса профессии воспитателя детского сада и места мужчины в ней, а также внутри корпоративного дискурса о «женской» работе и профессионализации, что и стало предметом нашего исследования.

Эмпирическую базу составили текст статьи «Кирилл Четвертаков из детского сада», тексты писем читателей, написанных под впечатлением и направленных в редакцию, которые впоследствии были переданы герою статьи и сохранились у него; также нами были использованы материалы неформализованного интервью с основным действующим лицом заметки Кириллом Викторовичем Четвертаковым, который в течении двадцати лет был воспитателем в московских детских садах. Статья была размещена в газете «Известия» от 12 июня 1986 г. (рис. 1). Интервью проводилось специально для этого исследования в 2023 г. Основная тема интервью — трудовая биография респондента в определенный период (1980-е годы). Основные блоки вопросов включали: выбор профессии, стратегия и сложности трудоустройства, коллеги и их вклад в формирование трудовой биографии, представления о профессии и профессиональная культуры коллег. Мы располагаем сканами 33 писем читателей: 5 критических (от двух мужчин и двух женщин) и 28 поддерживающих (от 15 женщин и от восьми мужчин).

Выбор метода единичного кейс-стади (Single Case Study) оправдан уникальностью случая. Ограничения, накладываемые методом, не позволяют говорить о репрезентативности результатов, но дают возможность более подробно описать проблему и сформулировать гипотезы для дальнейших исследований¹ (Flyvbjerg 2011).

Используя дискурс-анализ (Родина 2018), авторы рассматривают как в медиадискурсе, а также в интерпретациях общественности и самих практикующих педагогов представлены разные картины дошкольного образования, профессии воспитателя и воспитателей-мужчин в 1980-е годы. Дискурсы рассматриваются с точки зрения трактовки статуса воспитателя детского сада как профессиональной группы, в которой (не) уместно присутствие воспитателя-мужчины. Анализ всех текстов был исследовательским и открытым с точки зрения проблематики профессионализации труда воспитателя детского сада как теоретической основы. Процедура дискурс-анализа текстов писем заключалась в первоначальной классификации текстов с точки зрения трактовки (не)уместности мужчины в профессии воспитателя, затем выделялись повторяющиеся темы и интерпретировалось содержание аргументаций, темы связывались с теоретической основой. Интервью героя публикации можно считать его рефлексией относительно прошлого опыта, положения дел почти сорокалетней давности. Текст анализировался посредством выделения повторяющихся тем, которые связаны с проблематикой профессионализации воспитателей, темы связывались с теоретической основой. Результаты дискурс-анализа статьи и тестов писем, а также интервью с героем публикации использовались как взаимодополняющие для построения более общей картины восприятия профессии как обществом, так и самими профессионалами с точки зрения проблематики профессионализации. В частности, рассматривалось как в дискурсах о воспитателях-мужчинах 1980-х годов находит отражение процесс профессионализации советского дошкольного образования и воспитателей детских садов. Дополнительно проведено сопоставление с актуальным дискурсом о воспитателях-мужчинах.

Медийный дискурс: статья «Кирилл Четвертаков из детского сада»

Газета «Известия» — официальное печатное издание руководящих органов Советской власти, в частности Верховного Совета СССР — игра-

¹ Некоторые примеры исследований методом единичного кейс-стади см.: (Sumsion 1999; Demirkasımođlu, Tařkın 2019; Hofman 2023; Goings, Davis, Britto, Greene 2017).

ла важную роль в формировании общественной повестки, презентации образов профессиональных сообществ и работников, в частности способствовала закреплению новой трактовки профессии воспитателя, востребованных эпохой социальных трансформаций 1980-х годов. Образ воспитателя-мужчины представлен в тексте статьи и фотографиях. Текст связывает выбор мужчиной профессии воспитателя с общим контекстом перемен в обществе посредством указания на трансформацию гендерной структуры профессиональных предпочтений. В частности, утверждается общепринятость гендерного разнообразия кадров в советском обществе 1980-х годов, тенденции нарушения бинарного деления между мужским и женским в труде, а в качестве примеров для женщин указываются профессии, связанные с работой с техникой (шофер, крановщик, космонавт), а для мужчин те, для которых была характерна в тот период автоматизация исходно «женского» ручного труда (дояр, птицевод).

На практике, сложности профессиональной стратегии воспитателя-мужчины сопрягаются именно с символическим приписыванием сферы воспитания детей дошкольного возраста к компетенции женщин. Трудоустройство описывается как сопряженное со сложностями по причине устоявшихся представлений и правил («велика сила традиции») и высокой ответственности руководителя («согласилась на свой страх и риск»). Само содержание труда воспитателя в тексте представлено с использованием описаний функционала по присмотру и уходу за детьми («вытереть носы», «помирить», «накормить», «уследить», «раздеть», «уложить спать», «рассказать сказку»), хотя и он позволяет работнику проявляет творческую инициативу («вечно придумывает для детей что-то новое, к каждому находит свой подход») и получить признание детей («любимец детворы», «дети за все платят сторицей»). В то же время на одной из трех фотографий герой представлен в контексте образовательной активности (ведет фронтальное занятие с детьми), а также указывается, что он заканчивает педагогическое училище. В тексте отсутствуют отсылки к роли мужчины в дошкольном образовании как «образца для подражания». Его присутствие в детском саду не требует оправдания, а задачи социализации не позиционируются как более существенные в случае воспитателя-мужчины, чем образовательные.

В целом воспитатель-мужчина преподносится исключительно в положительной трактовке и как символ перемен в обществе, он представлен компетентным и добродушным работником, достигшим успеха и достойным подражания. Читателю предлагается концепция детского сада как места с позитивной атмосферой, в которой есть возможность самореализации для воспитателя и развития для ребенка. В контексте профессио-

нализации по мере социальных трансформаций нарратив выраженной гендерной сегрегации профессий в целом и трактовки профессии воспитателя как исключительно «женской» устаревает и ему на смену должен прийти новый, в котором мужчина может выбирать для себя работу в детском саду и быть в ней эффективным, но процесс этот сложный и сопряжен скорее с противостоением дискурсов внутри профессионального сообщества, чем с быстрой и легкой заменой.

Общественный дискурс: письма читателей в газету

Критика воспитателя-мужчины и проблематизация профессиональности занятия

В текстах «критических» писем осуждается нарушение устоявшихся норм рынка труда, и выбор мужчиной профессии воспитателя трактуется как неуместный, заслуживающий негативной моральной оценки. Проблематизируются и статус профессии, уровень дохода работников, что также считается свидетельством неадекватности выбора. Попытки нарушения ситуации доминирования женщин в профессии трактуется не просто как ущемление границ экспертности, но и как потенциальная угроза карьерным возможностям, так как экспертность приписывается по гендерному признаку, а отношения в труде классифицируются как строящиеся на соревновании, конкуренции с мужчинами.

Прочитала и подумала: какая цель газеты на передовой странице помещать такие заметки. Разве это очень хорошо, поощрять таких людей которые суют свой нос не в свое дело. Воспитатель детей испокон веков — это женское дело причем в дет садах. У нас столько специальностей мужских десятки тысяч, где можно найти свое место в жизни юношам и умственной и физической. <...> Женищина же это мать воспитатель это дано по природе миллионы лет не нами это заведено. <...> А девушки, окончившие 8–10 классов и желающие учиться, будут ждать конкурс. Конечно до недавнего времени не было большого конкурса. Сейчас поправили дело с зарплатой да и условия улучшили. Девушки охотно пойдут (Куйбышев, женщина, участница ВОВ, член КПСС) (Здесь и далее орфография, пунктуация и стиль респондентов сохранены. — Прим. ред.)

На первой странице поместили (фото) воспитателя Кирилла Четвертакова, которое несколько унижает мужское достоинство. <...> А этому молодому человеку я не завидую что он такой бедный

по профессии остался в жизни. Воспитатель в яслях и дет садах вовсе не мужская профессия (Самарканд, женщина, мать троих детей).

Когда было время учиться, Кирилл упустил его, а сейчас любыми путями надо иметь высшее образование, в чем вы помогли ему. То есть поступить в институт дошкольного образования. Вот и поползет ужом к нему. <...> Вышеупомянутые лица не имеют никакой мужской гордости. Тряпки (Борисов, мужчина).

Статья используется читателями и как повод для более общих выводов и замечаний в контексте изменений в экономике и обществе, социальной структуре в тот период, в частности баланса гражданских обязанностей и личного решения при выборе профессии. Профессия рассматривается не с точки зрения выгод для самого работника, неважно, с какими аспектами статуса они связываются (самореализацией или доходом), а со стороны последствий для общества. Выбор профессии молодым человеком на основании в первую очередь индивидуальных предпочтений оборачивается обвинениями в неисполнении гражданского долга, позиционируется как отказ возврата обязательств государству и обществу, которые обеспечили взросление молодого поколения. Получает неодобрение выбор юношами профессий, которые, с точки зрения авторов писем, не соответствует представлениям о труде, посредством которого мужчина мог бы максимально способствовать процветанию своей страны и обеспечить высокий социальный статус работнику, конвертироваться в привилегированное положение. Интерес мужчины к педагогике предлагается реализовывать в рамках отцовства, что не противоречит общественным интересам. В качестве аналога приоритета личного интереса над общественным приводятся примеры роста внимания молодежи, особенно юношества, к предпринимательству, которое позволяло претендовать на высокий социальный статус, но ставило под вопрос устоявшиеся иерархии профессий на советском рынке труда. Критике подвергается и газета, разместившая публикацию, так как она популяризирует такой выбор.

А стране так нужны рабочие руки, мыслящие головы, они же и защитники Родины и прогресс наука — это все мужчины. <...> Просто удивляюсь зачем было рекламировать в трех видах его. <...> Вот такое мое мнение. Не потому где легче, а где полезнее для Родины. Особенно сейчас. Когда во всех сферах идет ускорение. Пусть этот Четвертаков создает (если еще не создал) свою семью и дома после

садика воспитывает своих детей (Куйбышев, женщина, участница ВОВ, член КПСС).

На первой странице газеты вы дали отличную рекламу Кириллу Четвертакову. Продолжайте и дальше афишировать официантов, буфетчиков, лоточников и им равных (Борисов, мужчина).

...в технические вузы везде недобор. Вся молодежь, особенно парни, устремились в вузы торговли, экономики, преподавания, то есть гуманитарные. ...не хватает токарей, слесарей, фрезеровщиков, кузнецов и т.д. А они, оказывается, эти здоровые парни прогуливаются с малышами. А вы на страницах такой газеты как «Известия» пропагандируете это. Вы пройдите по Москве и увидите, что много молодых ребят торгуют с лотков, есть даже в банях молодые ребята. <...> Больше пропагандируйте те профессии, которые нужны стране (Ленинград, мужчина).

В данном дискурсе профессия воспитателя детского сада опосредованно или прямо позиционируется как простая работа, не требующая высокой квалификации, ответственности, низкодоходная, и мужчина, выбирающий ее, нарушает традиционные представления о стратегиях успеха «добытчика, кормильца» и переводится в статус если не «тунеядца», то «лентяя», избегающего тяжелого труда, вознаграждаемого высоким заработком, уважением и признанием. То есть работе воспитателя, по сути, присваивается статус «не работы». Показательно, что именно для этого дискурса характерен при описании труда воспитателя упор на обслуживающий труд, который традиционно ассоциируется с повседневной неоплачиваемой заботой, а не на образование дошкольников. Практически единственным условием, позволяющим оправдать такой профессиональный выбор для мужчины в «критическом» дискурсе, указываются проблемы со здоровьем.

Вот и мой внук 16-тилетний парень посмотрел на снимок и говорит, работа не пыльная пойду в воспитатели. Я ему говорю, что там маленький заработок, а он — родители работают, я у них один, помогут (Ленинград, мужчина).

Конечно, это дело не мужское, если бы он был не вполне здоров, по состоянию здоровья. А он ведь как дядя Степа красавец, да еще рост наверное 2 метра. И он такой кормит малышей и конечно же убира-

ет горшки и еще чтоб не было ему одному неловко пригласил друга. <...> Обидно за таких парней — им же все дороги открыты, не ленись, учись и работай (Куйбышев, женщина, участница ВОВ, член КПСС).

Я поняла так, что он большой лентяй. Пошел на такую работу среди детишек. Женщины и сами справятся с этой работой без него (Самарканд, женщина, мать троих детей).

Таким образом, в рамках «критического» дискурса профессиональный выбор мужчиной работы в дошкольном образовании ставится под сомнение, а самой профессии приписывается статус, низводящий ее до уровня не требующего квалификации. С точки зрения проблематики профессионализации предлагаемый в статье публичный дискурс профессии воспитателя не находит поддержки у части общества. Представленные в статье перемены в трактовке труда воспитателя в сторону «профессии» воспринимаются как новый и нетрадиционный канал мобильности, который получает отрицательную оценку, так как сам труд позиционируется этой группой читателей как низкостатусное занятие (occupation), выгоды которого для работника максимальны при сохранении его как «женского». Дискурс предлагает, что мужчина не может выбирать данную сферу как профессию, не ставящую под вопрос его мужественность или социальные позиции; его выбор не может быть оправдан, а интерес к педагогике может реализовываться только в рамках института семьи.

Одобрение воспитателя-мужчины и утверждение профессиональности занятия

Легитимация воспитателя-мужчины в текстах писем от граждан и коллег-педагогов с положительной оценкой активно связывается с позицией «педагога» и трактовкой дошкольного образования как подготовительного этапа для школы, или «ученого», и исследовательской деятельностью в области возрастной психологии и педагогики. Предполагается потенциальное продолжение карьеры воспитателя уже в рамках школы или интерпретация основного содержания труда как «учительского», что в обоих случаях предполагает символическое объединение с институтом, для которого типичны более высокий социальный статус и гендерно сбалансированная профессиональная группа. Воспитатель-мужчина описывается как работник, занятый интеллектуальной образовательной деятельностью, а не только «несложным» уходом и присмотром за ребенком. Также воспитатели-мужчины включаются в символическую цепочку

известных ученых-педагогов-мужчин и позиционируются как ее продолжатели в актуальной практике. В обоих случаях предполагается трактовка профессии воспитателя детского сада как экспертной деятельности, способной обеспечить общественное признание и статус.

И вот. Ура! Предвижу: так родится истинный учитель, способный, способный развить и мужское в мальчиках и женское в девочках. Браво ребята. Берите эстафету Макаренко-Сухомлинский-Амонашвили. Дерзайте. Ваш практический опыт первооткрывателей в перспективе будет иметь значение и для жизни, и для науки (Нальчик, мужчина).

...как бы хотелось чтобы ваш почин нашел отклик в других городах нашей страны, ведь малыши так любят мужчин. И мне кажется, что ваш выбор в должности, есть что-то новое, прекрасное для продолжения своей должности (со временем) в школе. ... думаю, что ваши малыши в школе будут примерными во всем, оправдают вашу заботу и воспитание, которое они получили в детском саду... (Полтава, женщина).

Молодец сынок, так держать, мы все одобряем твой выбор работы. <...> У меня два сына... А сейчас тебе мои советы. ...это дети и подготовка к школе. Сам не справишься, если не будешь проводить родительские, хоть маленькие, собрания, где ты должен ставить в известность и требовать от родителей, чтоб они не баловали детей, а приучали так как надо. Так как ты с детьми... целый день, то учи их рисовать, и учи буквы писать, а главное обращай внимание как держать ручку... дети пойдут в школу и только тебе будет хвала. И вот с них не будет никакой туняедец (Краснодар, мужчина, ветеран).

Для писем коллег также характерен акцент на образовании, которое позиционируется как важнейший фактор профессионализации. Поступление в учебное заведение становится событием, маркером начала нового этапа в трудовой биографии и подтверждением ответственности и зрелости выбора. Обучение описывается как источник педагогических знаний и компетенций, недоступных вне экспертного сообщества, в обыденном опыте. Оно позволяет переоценить свои предыдущие педагогические практики, скорректировать их. Тем не менее в письмах присутствуют указания на выстраивание инфраструктуры системы профильного педа-

гогического образования с опорой на женский кадровый состав. Так, один из авторов сетует на невозможность получить место в общежитии студентов педагогического училища для мужчины не по причине их недостатка, а в силу исходной оценки такого события, как студент-мужчина, как невозможного, несоответствующего обычному порядку вещей. При этом на самих рабочих местах в детских садах такая проблема отсутствовала, рабочее место оказывалось более универсальным.

(первое письмо) ...Я такой же как и ты — счастливчик. В сад попал со второго раза, и не воспитателем — а нянем. Был им пол года и вот уже четвертый месяц воспитатель. <...> Единственное, что мешает мне работать — это отсутствие специального образования. (второе письмо) ...У меня в жизни большие изменения. Я поступил учиться в пед училище. <...> Учеба нравится, жаль только, что общежития не дают. Нет видите ли у них мужского. ...учусь во вторую смену, а перед учебой работаю в дет саду помощником воспитателя. Учась понял сколько знаний мне не хватало, сколько ошибок я допускал (Ташкентская обл., мужчина, педагог).

...я работаю учителем начальных классов. Мне интересно работать с детьми. 10 лет стаж работы (Таджикистан, мужчина, учитель начальных классов).

В «положительном» дискурсе мужчина часто позиционируется как источник особой концепции воспитания, отличной от женской, как воплощение ролевой модели, способной решить вопросы социализации детей, особенно мальчиков. Причинами востребованности воспитателя-мужчина признаются усложнение общества и общественных отношений, распространенность неполных семей и невовлеченность отцов в воспитательные практики в семье. При этом педагоги-женщины опосредованно или прямо трактуются как неспособные в полной мере справиться с задачами социализации в отношении всех детей.

Мне кажется, что воспитателя мужчину слушают дети больше, чем женщину. В современных семьях сейчас роль воспитателя играет мать, а отец редко бывает с детьми. И когда они приходят в детский сад и видят тебя в роли воспитателя, у них вырабатывается уважение, авторитет, к тебе, да и не только к тебе, а ко всем мужчинам, особенно к отцам, ласки которых им порой так не хватает (Тотьма, женщина).

Шаг этого парня оценит время. Я же скажу — хватит глобального женского воспитания. Оно конечно чудотворное, но... благодаря ему вырастают женоподобные мужчины, ибо с первых шагов они только и знали вкушать женскую ласку и внимание. Так медленно и верно вырождается мужское начало в мальчиках еще (Нальчик, мужчина).

У нас в интернате было очень мало мужчин, но вот к нам пришел воспитатель-мужчина. Мне очень повезло. Я попала к нему в группу. Я очень привязалась к нему. Полюбила его как отца (мой отец бросил нас когда я была еще маленькой). ...я решила, что пойду работать в школу, точнее в интернат или в детский дом. <...> Я всегда жалею только об одном, что я девчонка. Ведь вам мужчинам легче с ребятами, вы можете себе позволить быть более раскованными с ними (Московская область, женщина).

Таким образом, для «поддерживающего» дискурса типична стратегия повышения статуса профессии воспитателя детского сада посредством привязки к системе общего образования или научной деятельности и подчеркивания в основном содержании труда функционала, связанного с обучением. Дополнительным ресурсом воспитателя-мужчины указывается возможность быть «образцом мужской роли» для детей, особенно для мальчиков. В рамках проблематики профессионализации предлагаемый в статье публичный дискурс профессии воспитателя находит поддержку у части общества. Заявленные перемены в трактовке труда в сторону «профессии» воспринимаются как относительно новый канал мобильности, символически воспитатель присоединяется к более традиционно возможным для мужчины вариантам профессии учителя или ученого. Сам труд позиционируется как «профессия» (profession), построенная приоритетно на экспертных знаниях, а не на «женском» опыте. Дискурс предлагает вариант такого развития событий, в котором мужчина может выбирать данную сферу как профессию, не ставящую под вопрос его мужественность или социальные позиции. Его выбор может быть оправдан, в частности, возможностью быть примером в процессе социализации детей.

В целом материал не позволяет нам анализировать общественный дискурс с точки зрения доминирующего/подчиненного положения разных точек зрения, но мы выделили в нем разные трактовки, что дает возможность, во-первых, отметить его внутреннюю неоднородность, а во-вторых, рассмотреть, используемые разными группами мнений аргументы с точки зрения проблематики профессионализации. Предлагаемый газетной статьей публичный дискурс о воспитателе-мужчине находит как своих

сторонников, так и противников. Представление о статусе воспитателей (отнесение труда к занятиям /occupation/ или к профессиям /profession/) становится ключевым фактором в оценке приемлемости для мужчины выбрать данную профессию.

**Профессиональный дискурс:
воспоминания и рефлексия воспитателя-мужчины**

***Воспитатель-мужчина как маркер
стратегии профессионализации дошкольного образования***

На основе нарратива воспитателя-мужчины, ставшего героем статьи, анализируется дискурс самих воспитателей того времени с точки зрения процессов профессионализации, обусловленных трансформацией социального контекста. Как мы увидим, внутренне профессиональная группа не однородна по своим представлениям: сосуществуют одновременно трактовки профессии воспитателя как «женской работы», в которой мужчина неуместен, а также новая, в которой мужчина может выбирать для себя работу в детском саду и быть в ней эффективным.

Еще раз отметим, что изменения в социальном контексте дошкольного образования в советский период в 1980-х годах были неоднозначны. Сохранялся высокий спрос на специалистов, так как государство и непосредственные работодатели на местах (крупные предприятия и организации, ведомства и т.д.) реализовывали свои социальные обязательства перед гражданами и работниками. Государство и лидеры профессионального сообщества прилагали усилия по повышению престижа дошкольного образования. При этом отдача от труда в секторе дошкольного образования оставалась низкой. Эта ситуация создавала определенную специфику формирования кадрового состава данной профессиональной группы, а также стимулировала неоднородность представлений о профессии и ее статусе внутри профессионального сообщества.

Опыт первого трудоустройства героя статьи может служить примером столкновения с разными дискурсами о профессии среди руководителей внутри педагогического сообщества. В рассматриваемый исторический период кадровый состав воспитателей активно формировался за счет приглашения на работу скорее заинтересованных в работе соискателей, часто родственников воспитанников детских садов, а не исключительно выпускников профессиональных учреждений образования или педагогов с опытом. Поэтому, несмотря на то что на момент поиска работы мужчина был только студентом и не имел направления на работу, его ситуация не была принципиально отличной от условий, в которых оказывались

кандидаты-женщины. Решающим было мнение руководителей детских садов и профильных отделов РОНО, и трактовка дошкольного образования как сферы профессиональной экспертизы и карьеры стала основой приема на работу — «разрешения» допуска к профессии воспитателя для мужчины.

И пошли мы выбирать детский садик. <...> 15 детских садов обошли... Даже, по-моему 16. Нигде не брали. ...как могут не взять человека, который поступил в педагогическое училище. Тем более, что я взял уже справку, что я — студент первого курса педагогического училища. Формально отговорки были — у нас полный штат воспитателей. Хотя в то время нехватка воспитателей была очень большая. Тогда брали мам без (педагогического) образования, которым нужно было ребенка в детский садик устроить. Часто такое было. ... Поэтому мы то знали, что воспитателей нет. <...> И вот, пришли в один детский садик, где заведующей была Надежда Дюдяева... она меня взяла... как-то с доверием. <...> Тогда воспитателя на работу принимала не заведующая, а принимало РОНО. Это первые два года было, с 1985 по 1987 годы. <...> Меня вызвали в РОНО. Там все-таки сидели люди более грамотные. <...> Там не было этих глупых вопросов — Почему Вы пошли? Почему женщины идут? Что за глупые вопросы. <...> А были вопросы другого направления. Вы на каком курсе учитесь? Вы по какому направлению хотите дальше работать? Более интересные вопросы. Именно от грамотного человека.

Мнение непосредственно коллег о статусе профессии и уместности мужчины на этой работе также было важно, но проблематизировало оно скорее вопросы условий труда. Чрезмерную регламентацию работы воспитателя, о которой мы говорили выше, одни коллеги трактовали как вызов, приглашающий к творческому преодолению, другие — как норму и возможность обеспечить безопасность себе как работнику, а отклонение от программы в сторону новшеств, даже ориентированных на эффективную подготовку ребенка к школе или его развитие, преподносилось уже как избыточная активность, которая требовала значительных усилий и временных затрат. Если в первом случае принципиальное значение имела возможность роста социального статуса профессии посредством усложнения экспертизы и уместность воспитателя-мужчины, как, впрочем, и любого «новатора», не вызывала сомнений, то во втором — сохранение более низкого статуса компенсировалось возможностью экономии трудовых затрат, стабильностью и достижением баланса между работой и личной

жизнью, и здесь воспитатель-мужчина вызывал проблемы, так как для него дилемма «двойной нагрузки» была скорее неактуальна. Отметим, что для большинства женщин в условиях товарного дефицита 1980-х годов была важна организация рабочего времени таким образом, чтобы совмещать работу с покупками, домашними делами, выполнением семейных обязанностей (Здравомыслова, Темкина 2007; Темкина, Роткирх 2002).

И фраза — Вы должны быть как все. <...> Конечно, нужно быть как все. Нужно подчиняться законам внутреннего трудового распорядка. А получается, что воспитатель вышла на улицу гулять с детьми, а в магазине дают палтус и она... бежит за палтусом. <...> Но, я опять говорю, что ее можно понять. У нее семья. У нее... кормежка. <...> Если я буду как все, то я ничего нового не придумаю. А зачем я тогда пошел в это дело?

Если говорить обо мне, то я просто обходил многие сложившиеся детсадовские запреты. Например, детей нельзя выводить за территорию. А я выводил детей в парки, в скверы. Летом мы выносили во двор шланг и обливались водой, и у меня в группе никто не болел. И никогда они по парам не ходили. А многие меня и не по отчеству, а просто Кириллом называли, хотя при этом, без сомнения, уважали. <...> Хотя... много женщин, которые детям доверяют не хуже, чем мужчины. <...> Я... видел, что женщина великолепно держит дрель, работает лобзиком, пилой, забивает с детьми гвозди.

Соответственно для одних руководителей и коллег (мужчин и женщин) профессия воспитателя означала в первую очередь область специального экспертного знания, конвертируемого в социальный престиж, и выбор ее мужчиной, хоть и мог быть редким, но не неприемлемым, в то время как для других присутствие мужчины в дошкольном образовании осложняло исполнение профессиональных обязанностей и было нежелательным. В целом в опыте воспитателя-мужчины нашли отражение проблемы профессионализации дошкольного образования в СССР в 1980-е годы, а представления о статусе профессии руководства и коллег играли существенную роль в вопросах доступа мужчины к профессии и непосредственно работы воспитателем.

Воспитатель-мужчина как «универсальный» и «особенный» работник

Формально статус педагогического персонала дошкольных учреждений в советский период в целом, как мужчин, так и женщин, основывался

на изначальном доверии к власти профессиональной экспертизы и предполагал подчинение домашних практик воспитания нормам и правилам, утвержденным в государственной программе и реализуемым в детском саду. Так, типовая программа воспитания в детском саду, использовавшаяся Министерством просвещения РСФСР с 1962 по 1989 г., ставила фигуру воспитателя на первое место в образовательном процессе дошкольника, он трактовался как источник культурно-общественного опыта для ребенка и авторитет для родителей (Смирнова 2005). Статус получал подкрепление и посредством успехов в педагогической практике, которые помогали завоевывать неформальный авторитет в отношениях с родителями воспитанников.

Я помню свой первый день работы в детском саду. <...> Родители привели детей. Было интересно как родители посмотрят. Улыбки родителей. <...> Никаких лишних вопросов — Что? Почему? Как? Я не знаю предупредили ли родителей заранее, что у них будет воспитатель-мужчина. Но тогда как было — не было такого, чтобы все решал родитель, как это сейчас. <...> Раньше, если заведующая берет, если РОНО берет, то вопрос решен. Если меня взяли, то все. <...> У меня всегда было хорошо с родителями... Ты умеешь и ты ребенка научил.

В то же время в рамках педагогического дискурса «проблемного отцовства» и «неполной семьи», воспитатель-мужчина получал статус и «особенного» работника. В данном контексте воспитатель-мужчина преподносился как педагогический ресурс, позволяющий за счет внесемейных активностей компенсировать недостатки семейных практик воспитания, заполнить пробел в образцах отца и мужчины и помочь матерям.

Потом выяснилось, что у меня половина группы были матери-одиночки. Я это понял. <...> Я озадачивался вопросом перспективы влияния воспитания мужчиной на ребенка и (пришел к заключению, что) главное — это полная семья. ...и я создавал некий потенциал полной семьи, компенсация.

При этом показательно, что уход за детьми (от уборки помещения до мероприятий личной гигиены) и эмоциональная поддержка воспитанников (от умения успокоить плачущего ребенка до объятий) позиционируются воспитателем-мужчиной как обычный функционал. Никакая из этих обязанностей воспитателя и даже няни не трактуется как неприемлемая для мужчины, ставящая под вопрос его собственную гендерную идентич-

ность и мужественность. Также коллеги-женщины в процессе совместной работы не проблематизировали саму возможность исполнения воспитателем-мужчиной данной части работы, особенно по мере формирования у него репутационного капитала.

...у меня не было такого никогда, чтобы я родителям мокрые трусы возвращал вечером. Я постираю, высушу, тогда уже верну и предложу прогладить. <...> Я три раза в день уборку в группе делал.

Я устроился няней работать в другой детский сад... они меня знали. Я вел общественную работу.

Таким образом, воспитатель-мужчина был работником, одновременно выполняющим как весь положенный формальный функционал, так и «особые» обязанности, связанные с социализацией воспитанников. От воспитателя-мужчины ожидалось, что он сможет и будет выполнять ту же работу, что и его коллеги-женщины, не отказываясь от какой-то ее части. Гендерные отличия от коллег-женщин интерпретировались как основание иначе выполнять работу воспитателя, и здесь дискурс «ролевой модели» становился частью дискурса профессионализации, а не противопоставлялся ему.

Опыт солидарности первых воспитателей-мужчин

Интересен опыт ситуативного формирования сети из коллег-мужчин, работавших одновременно в дошкольном образовании в должности воспитателя. Такое общение было сопряжено с определенными трудностями в силу незначительного количества воспитателей-мужчин, их территориальной удаленностью и отсутствия специализированных коммуникационных каналов. Сеть воспитателей-мужчин формировалась исключительно неформально, на уровне как локальных сообществ (на непосредственных рабочих местах или из коллег в одном городе), так и всего СССР (включая иногородних коллег, но в пределах страны). Основным первичным источником информации о персонах и средством установления контакта была периодическая пресса и письма в редакцию.

я прочитал статью про Бориса Верзуба. Это самый первый был мужчина-воспитатель в Советском союзе. Я позвонил ему. Встретился.

...ко мне пришел корреспондент. <...> Я дал интервью. <...> Ну, газета Известия, это ведущий печатный орган ЦК КПСС. Тем более на первой полосе, на обложке. <...> И понеслось. <...> Мы стали спи-

сываться, встречаться. Контакт поддерживали письмами. Двое мужчин приезжало.

На этапе выбора профессии и начала карьеры неформальное общение между коллегами-мужчинами стало одновременно экспрессивным и инструментальным ресурсом, средством поддержки уверенности в выборе и собственной ценности в момент неопределенности и стресса и доступа к информации, часто ускользающей из официальных каналов коммуникации. Общение между коллегами-мужчинами было ориентировано на установление доверительных отношений и коммуникацию, как очную, так и заочную, а также на взаимное консультирование и обмен знаниями, но говорить о достижении какого-то влияния в профессиональном сообществе в целом или проектном сотрудничестве не приходилось. Несмотря на исходную заинтересованность и востребованность, общение в столь тесном кругу не переросло в системные и длительные профессиональные связи.

Сама неформальная сеть просуществовала недолго, так как работа по профессии воспитателя практически у всех была непродолжительной, а карьерный и профессиональный рост реализовывался уже в других профессиях как в сфере образования, так и вне нее. Сама сеть постепенно распадалась по мере выбывания из профессии воспитателей-мужчин.

В первой тройке был Борис Верзуб, Миша Тарасов, Гена Юшманов. Гена Юшманов был сначала воспитатель, потом — заведующий. Воспитателем года четыре. Потом заведующим года три. Борис Верзуб был няня, потом воспитателем, потом заведующим... Я пошел работать (воспитателем в детский сад) потому что я учился и было убеждение Бориса Верзуба... Вот, пошел я в детский сад и 20 лет проработал. <...> Миша Тарасов был воспитателем. <...> Просто созвонились. <...> Мы тогда собрались у Миши Тарасова дома. <...> Потом у нас встречи пошли уже более или менее организованные. <...> Потом еще на пару человек прибавилось. <...> Виталик Колисниченко из Ленинграда. <...> Еще Сергей. <...> Три дня он фактически отработал, со мной. <...> И что интересно, он меня не учил, мы просто совместно садились и играли с детьми. Он был воспитателем, а потом стал методистом. Повысили.

Очень часто мы не встречались. <...> Виталик он отработал и через два года ушел. Миша, Гена Юшманов ушли по определенным обстоятельствам... Потом я не знаю. Мы уже мало потом общались. Года четыре мы встречались. Раз в пол года.

Показательно, что для воспитателей-мужчин опыт солидарности, построенный на гомогенном круге профессионального общения, оказался востребованным в переломных ситуациях, но мнение большинства профессионального окружения о профессии и карьерных траекториях, их поддержка или неприятие создавали основной контекст работы.

В целом материал не позволяет нам анализировать профессиональный дискурс с точки зрения доминирующего/подчиненного положения разных точек зрения, но мы выделили в нем разные трактовки, что дает возможность, во-первых, отметить его внутреннюю неоднородность, а во-вторых, рассмотреть их с точки зрения проблематики профессионализации. Профессиональная группа воспитателей оказывается неоднородной сущностью, а внутренне дифференцированным сообществом, где каждая из групп строит интерпретацию профессии с точки зрения баланса выгод и издержек. Невозможность получать высокие социальные выгоды (доход, престиж и влияние) оборачивалась для воспитателей относительно низким социальным статусом, сохранением доминирования женщин в кадровом составе, поддержкой частью общественности и профессионального сообщества трактовки работы как «женской», ориентированной на стратегии совмещения оплачиваемой занятости с выполнением домашних обязанностей, и восприятием мужчин в данной профессии как неординарной ситуации, нарушающей порядок вещей. В то же время получает распространение и толкование работы воспитателя как «профессии», для которой характерна научная основа и доступна карьера, которую мужчина может выбрать и быть поддержан обществом и своими коллегами. На опыте героя статьи видно, что разные представления о профессии включали и разные представления о гендере потенциального работника, возможности для мужчин и женщин выбирать работу воспитателя. При этом отличия от коллег-женщин видятся как основание иначе выполнять работу воспитателя, дополняя их, но не способствуют стремлению к самоизоляции в кругу коллег-мужчин или отказу от части функционала.

Заключение

Общественные и профессиональные дискурсы 1980-х годов в СССР относительно воспитателя-мужчины внутренне неоднородны и строятся на представлениях о статусе профессии. Общественность и коллеги, по существу, не сомневались в способности мужчины выполнять обязанности воспитателя в детском саду, но они по-разному оценивали уникальность мужчины как педагога и необходимость его для детей, профессионального сообщества и общества в целом. В «критическом» дискурсе воспитатель-мужчина оказывался нарушителем статус-кво в профессии

и устоев общества, а статус профессии существенно занижался. Приверженцы же «поддерживающего» дискурса считали приход мужчины в профессию воспитателя детского сада свидетельством роста ее статуса и важным ресурсом социализации.

Актуальный дискурс о воспитателях-мужчинах во многом схож с позднесоветским, но есть и изменения. Мужчины по-прежнему представлены минимально в профессии. Их присутствие чаще требует оправдания, чем воспринимается как обыкновенный профессиональный выбор, хотя сам по себе он уже и не трактуется как нарушение обязательств гражданина-мужчины перед государством и обществом. Доводы легитимации в отношении воспитателей-мужчин, популярные в разных сообществах-единомышленников, во многом синонимичны трендам позднесоветских времен. Сохраняет популярность мнение о воспитателе-мужчине как о том, кто вносит в дошкольное образование новые идеи или выступает в качестве «образца для подражания» для воспитанников. Не менее распространено и символическое дистанцирование его от тревог и проблем профессионального сообщества, связанных со статусом «женской» профессии. Воспитатель-мужчина был и остается одним из маркеров трактовки профессии педагога дошкольного образования как сложной экспертной деятельности, в которой важной частью стратегии повышения статуса являются высокие требования к квалификации, стремление к профессиональному развитию и идентичность, основанная на научном знании. При этом востребованы не только традиционные каналы и ресурсы профессионализации, получения профессионального образования и совершенствования мастерства, но и сетевые сообщества коллег, организованные скорее не по принципу гендерной гомогенности, а на основе рабочих контактов коллег-единомышленников. В то же время сегодня в дошкольном образовании большее значение придается мнению родителей и их представлениям. Еще одним отличием современного дискурса является существование мнения о профессии воспитателя, в котором гендер воспитателя не имеет принципиального значения, а вместо этого акцент делается на профессиональной квалификации. В этом сегодняшний дискурс ближе к международным трендам, чем к советским корням.

Исследование дает возможность вычлнить тренды в представлениях о воспитателях-мужчинах в дошкольном образовании, хотя и не оценить их с точки зрения доминирования среди общественности и профессионального сообщества, и заполняет пробел в существующих исследованиях. Профессионализация сферы дошкольного образования и профессии воспитателя — длительный и неравномерный процесс, который не завершен. Наше исследование показывает, что как в истории, так и сегодня

мы имеем дело с сосуществованием как критического, так и поддерживающего дискурсов относительно воспитателей-мужчин среди общественности и внутри профессионального сообщества. Споры о воспитателях-мужчинах существуют не изолированно, а связаны с мнением о профессии в целом, о ее статусных характеристиках. Продвижение к статусу «профессии» сопровождается распространением дискурса, в котором эта работа построена на экспертных знаниях, позволяет получить высокие социальные выгоды и предполагает, что мужчины и женщины в равной мере могут ее выбирать, а мужчина может быть воспитателем в детском саду и не утратить своей мужественности. Мнение о воспитателе-мужчине может служить маркером мнения о статусе профессии в целом. Данные выводы качественного исследования могут быть выдвинуты как гипотезы и проверены в рамках количественного исследования процессов профессионализации воспитателей дошкольного образования в будущем.

Благодарности

Статья не состоялась бы без помощи коллег. Авторы выражают благодарность методисту городского методического центра Департамента образования и науки г. Москвы Четвертакову Кириллу Викторовичу за предоставление уникальных материалов, а также за помощь и поддержку в проведении исследования.

ИЗВЕСТИЯ

Кирилл Четвертаков из детского сада

Кирилл задорно справляется со своим заданием, вечно придумывает для детей что-то новое, и каждому находит свой подход. Работа эта, хотя и трудная, как признается сам Кирилл, очень интересна. А главное — благодарны: дети за все платят сторицей.

Скоро Кирилл Четвертаков окончит вечернее отделение Московского педагогического училища № 6, будет сдавать выпускные экзамены. Но главным экзаменом для него ста-

нет выпуск его первой группы, подготовив малышей в первый класс.

А недавно в детский сад № 1021 пришел друг Кирилла Андрей Клоков. И хотя Андрей собрался идти в школу, Кирилл так увлеченно рассказывал о своих малышах, что теперь друзья вместе работают, вместе учатся и вместе решили после окончания училища остаться в детском саду.

Е. ЯБЛОЧКИНА. Фото А. ДИТЯКИНА.

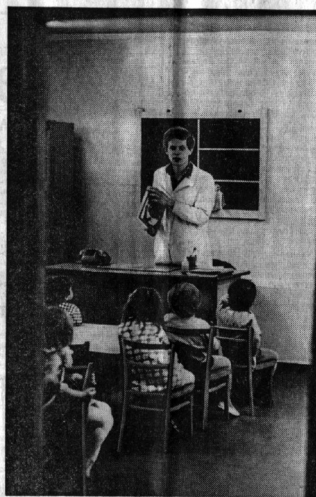

Рис. Статья «Кирилл Четвертаков из детского сада». «Известия». 12.06.1986

Литература/References

Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) (2007) *Российский гендерный порядок: социологический подход. Сер. 12 Труды факультета политических наук и социологии*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: RPWLWR.

Zdravomyslova E., Temkina A. (ed.) (2007) *Rossiiskij gendernyj poryadok: sociologicheskij podhod. Ser. 12 Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sociologii. Kollektivnaya monografiya* [The Russian Gender order: a sociological approach. Ser. 12 Proceedings of the Faculty of Political Sciences and Sociology. Collective monograph]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. EDN: RPWLWR (in Russian).

Кашуркина С.С., Лукишина Т.А. (2019) Престиж профессии «педагог дошкольного образования»: оценки педагогов и позиция родителей. *Современное дошкольное образование*, 6(96): 36–49. <https://doi.org/10.24411/1997-9657-2019-10057>.

Kashurkina S.S., Lukishina T.A. (2019) Prestizh professii “pedagog doshkol'nogo obrazovaniya”: ochenki pedagogov i poziciya roditel'ev [Prestige of the profession “preschool teacher”: teachers’ assessments and parents’ position]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie* [Modern preschool education], 96(6): 36–49 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1997-9657-2019-10057>.

Колесникова Е.М. (2016) Педагоги частного и государственного дошкольного образования: статус группы и перспективы развития. *Социологический журнал*, 1: 114–132. <https://doi.org/https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3919>.

Kolesnikova E.M. (2016) Pedagogi chastnogo i gosudarstvennogo doshkol'nogo obrazovaniya: status gruppy i perspektivy razvitiya [Teachers in Private and Public Pre-School Education: Status and Prospects]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 22(1): 114–132. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3919> (in Russian).

Колесникова Е.М., Митрохина Е.В. (2017) Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке. *Вестник Института социологии*, 1(20): 13–34. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.443>.

Kolesnikova E.M., Mitrokhina E.V. (2017) Vospitateli i uchitelya ob usloviyah truda i organizacionnoj podderzhke [Educators and teachers on working conditions and organizational support]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 1(20): 13–34. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.443> (in Russian).

Новик Н.Н., Твардовская А.А. (2020) Профессиональное образование педагогов дошкольных организаций: ожидания и реальность. *Профессиональное образование и рынок труда*, 4(43): 49–55. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10406>.

Novik N.N., Tvardovskaya A.A. (2020) Novik N.N., Tvardovskaya A.A. (2020) Professional'noe obrazovanie pedagogov doshkol'nyh organizacij: ozhidaniya

i real'nost' [Vocational education of teachers of preschool organizations: expectations and reality]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda* [Vocational education and the labor market], 4(43): 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10406>.

Родина В.В. (2018) Дискурс: генезис, природа и содержание, обзор научных школ. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 1(109): 101–111. EDN: YQNHFS.

Rodina V.V. (2018) Diskurs: genezis, priroda i sodержanie, obzor nauchnyh shkol. [Discourse: genesis, nature and content, review of scientific schools]. *Izvestiya Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of Saint Petersburg State University of Economics], 1(109): 101–111 (in Russian). EDN: YQNHFS.

Сакс М. (2020) Неовеберизм и профессии. *Социологические исследования*, 6: 28–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3>.

Sacks M. (2020) Neoveberianstvo i professii [Neo-Weberianism and the Professions]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 6: 28–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3>.

Смирнова Е. (2005) Педагогические системы и программы дошкольного воспитания. М.: Владос. EDN: QUGYCL.

Smirnova E. (2005) *Pedagogicheskie sistemy i programmy doshkol'nogo vospitaniya* [Pedagogical systems and programs of preschool education]. Moscow: Vlados. EDN: QUGYCL (in Russian).

Темкина А.А., Роткирх А. (2002) Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России. *Социологические исследования*, 11: 4–15. EDN: MQDNJB.

Temkina A.A., Rotkirch A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ih transformaciya v sovremennoj Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 11: 4–15. EDN: MQDNJB (in Russian).

Abbott A. (1993) The Sociology of Work and Occupations. *Annual Review of Sociology*, 19: 187–209. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.19.080193.001155>.

Bhana D., Moosa S., Xu Y., Emilsen K. (2022) Men in early childhood education and care: on navigating a gendered terrain. *European Early Childhood Education Research Journal*. <https://doi.org/10.1080/1350293X.2022.2074070>.

Bonnett T.H., Wade C.E. (2022) Procuring Gender-Situated Voices of Male Early Childhood Professionals in Canada. *International Journal of Early Childhood*. <https://link.springer.com/article/10.1007/s13158-022-00337-8>.

Brante T. (1988) Sociological Approaches to the Professions. *Acta Sociologica*, 31(2): 119–142. <https://doi.org/10.1177/000169938803100202>.

Brante T. (2013) The Professional Landscape: The Historical Development of Professions in Sweden. *Professions and Professionalism*, 3(2): 1–18. <https://doi.org/10.7577/pp.558>.

Cameron C. (2006) Men in the Nursery Revisited: Issues of Male Workers and Professionalism. *Contemporary Issues in Early Childhood*, 7(1): 68–79. <https://doi.org/10.2304/ciec.2006.7.1.68>.

Cameron C., Mooney A., Moss P. (2002) The child care workforce: current conditions and future directions. *Critical Social Policy*, 22(4): 572–595. <https://doi.org/10.1177/02610183020220040201>.

Carrington B., Francis B., Hutchings M., Skelton C., Read B., Hall I. (2007) “Does the gender of the teacher really matter? Seven- to eight-year-olds” accounts of their interactions with their teachers. *Educational Studies*, 33(4): 397–413. <https://doi.org/10.1080/03055690701423580>.

Demirkasimoğlu N., Taşkın P. (2019). The Career Journey of the First Male Preschool Teacher in Turkey: An Optimistic Perspective to A Female Dominated Occupation. *Journal of Qualitative Research in Education*, 7(1). <https://doi.org/10.14689/issn.2148-2624.1.7cls.19m>.

Erden S., Ozgun O., Ciftci M.A. (2011) “I am a man, but i am a pre-school education teacher”: Self and social-perception of male pre-school teachers. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 15: 3199–3204. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.04.271/>

Etzioni A. (ed.) (1969) *The semi-professions and their organization: teachers, nurses, social workers*. New York: The Free Press.

Flyvbjerg B. (2011) Case Study. In: Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds.) *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications: 301–316.

Goings R.B., Davis J., Britto J., Greene D. (2017). The influence of mentoring on the academic trajectory of a 17-year-old black male college sophomore from the United Kingdom: A single case study. *Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning*, 25(3), 346–368. <https://doi.org/10.1080/13611267.2017.1364853>.

Harris K., Barnes S. (2009) Male teacher, female teacher: Exploring children's perspectives of teachers' roles in Kindergartens. *Early Child Development and Care*, 179(2): 167–181. <https://doi.org/10.1080/03004430802667005>.

Hedlin M., Åberg M., Johansson C. (2019) Fun guy and possible perpetrator: an interview study of how men are positioned within early childhood education and care. *Education Inquiry*, 10(2): 95–115. <https://doi.org/10.1080/20004508.2018.1492844/>

Hofman J. (2023) Classroom management and teacher emotions in secondary mathematics teaching: a qualitative video-based single case study. *Education Inquiry*, 14:3, 389–405. <https://doi.org/10.1080/20004508.2022.2028441>.

Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. (2023) Male Educators in Pre-School Education: A Recognition or an Anxiety? *Integration of Education*, 27(4): 646–668. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.113.027.202304.646-668>.

Kreitz-Sandberg S. (2013) Gender inclusion and horizontal gender segregation: stakeholders' strategies and dilemmas in Swedish teachers' education. *Gender and Education*, 25(4): 444–465. <https://doi.org/10.1080/09540253.2013.772566>.

Martin D.M., Luth Jr F.W. (2000) Where are the men? the scarcity of males in early childhood classrooms. *Journal of Early Childhood Teacher Education*, 21(3). <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0163638000210303>.

Martino W.J. (2008) Male Teachers as Role Models: Addressing Issues of Masculinity, Pedagogy and the Re-Masculinization of Schooling. *Curriculum Inquiry*, 38(2): 189–223. <https://doi.org/10.1111/j.1467-873X.2007.00405.x>.

Mills M., Martino W., Lingard B. (2004) Attracting, Recruiting and Retaining Male Teachers: Policy Issues in the Male Teacher Debate. *British Journal of Sociology of Education*, 25(3): 355–369. <https://doi.org/10.1080/0142569042000216990>.

Sargent P. (2000) Real men or real teachers? Contradictions in the lives of men elementary teachers. *Men and Masculinities*, 2(4): 410–433. <https://doi.org/10.1177/1097184X00002004003>.

Sargent P. (2013) Reluctant Role Models: Men Teachers and the Reproduction of Hegemonic Masculinity. *Qualitative Sociology Review*, 9(3): 188–203. <https://doi.org/10.18778/1733-8077.9.3.10>.

Sevier B., Ashcraft C. (2009) Be Careful What You Ask For: Exploring the Confusion around and Usefulness of the Male Teacher as Male Role Model Discourse. *Men and Masculinities*, 11(5): 533–557. <https://doi.org/10.1177/1097184X07302290>.

Siraj-Blatchford I., Taggart B., Sylva K., Sammons P., Melhuish E. (2008) Towards the transformation of practice in early childhood education: the effective provision of pre-school education (EPPE) project. *Cambridge Journal of Education*, 38(1): 23–36. <https://doi.org/10.1080/03057640801889956>.

Sumsion J. Critical Reflections on the Experiences of a Male Early Childhood Worker (1999) *Gender and Education*, 11(4): 455–468. <https://doi.org/10.1080/09540259920519>.

Wood P., Brownhill S. (2018). ‘Absent fathers,’ and children’s social and emotional learning: An exploration of the perceptions of ‘positive male role models’ in the primary school sector. *Gender and Education*, 30(2): 177–186. <https://doi.org/10.1080/09540253.2016.1187264>.

Источники

OECD (1998) *The Future of Female-dominated Occupations* [<https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264163690-en>] (дата обращения: 24.09.2023).

OECD (2006) *Starting Strong II: Early Childhood Education and Care, Starting Strong* [https://www.oecd-ilibrary.org/education/starting-strong-ii_9789264035461-en] (дата обращения: 24.09.2023).

OECD (2019) *Good Practice for Good Jobs in Early Childhood Education and Care* [<https://oe.cd/pub/eccec2019>] (дата обращения: 24.09.2023).

OECD (2020) *Building a High-Quality Early Childhood Education and Care Workforce: Further Results from the Starting Strong Survey 2018* [<https://doi.org/10.1787/b90bba3d-en>] (дата обращения: 24.09.2023).

Женщины в СССР (1985). М.: Финансы и статистика.

Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник (1989). М.: Финансы и статистика.

Мужчина-воспитатель с трудом пробился в профессию в СССР. Трогательная история Бориса Верзуба [<https://360tv.ru/tekst/obschestvo/muzhchina-vozpitateľ/?ysclid=lm22hiszn592485353>] (дата обращения: 24.09.2023).

MALE EDUCATORS IN PRE-SCHOOL EDUCATION: A CASE STUDY OF PUBLIC AND PROFESSIONAL DISCOURSE IN THE 1980'S IN THE USSR

*Elena Kolesnikova*¹ (kolesnikova@mail.ru),
*Irina Kudenko*² (irkudenko@googlemail.com)

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

² Kudenko consulting — Global Evaluation and Research Services Ltd.,
Hannover, Germany

Citation: Kolesnikova E., Kudenko I. (2024) *Vospitateľ-muzhchina detskogo sada: key-stadi obshchestvennogo i professional'nogo diskursov 1980-kh godov v SSSR* [Male educators in pre-school education: a case study of public and professional discourse in the 1980's in the USSR]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 216–249 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.8>. EDN: IGGCWT

Abstract. The social position of the pre-school educator profession is often problematised in public, political and academic discourses almost all over the world and in Russia, but the experiences of Russian male educators remain without due attention. In this case, we turn to an analysis of the discourse around one of the first male educators who, in the 1980s, found himself at the centre of a public discussion about the status of the kindergarten teaching profession and the place of men in it, as well as within the corporate discourse about 'women's' work and professionalisation. Article about one of the first male educators (1986 *Izvestia*), letters to the editor responding to article and an interview with the article's protagonist formed the study's empirical basis. Although neither the public nor colleagues doubted the ability of a man to perform the duties of an educator, they differed in their assessment of the uniqueness of a man as a teacher and the need for him for children, the professional community and society as a whole. In general, it is important that ideas about male educators do not exist in isolation, but are based on an opinion about the profession in general and its status characteristics in particular. The current discourse on male educators is in many ways similar to that of the Soviet Union, but there have also been changes.

Keywords: sociology of professions, sociology of education, preschool teacher, male educator, gender stereotypes, Russian preschool education, early childhood education and care, male workers

Acknowledgements

This article would not have been possible without the help of colleagues, and the authors express their gratitude to Kirill V. Chetvertakov, methodologist of the Moscow City Methodological Centre of the Department of Education and Science, for providing unique materials, as well as assistance and support in conducting the study.